

С.В.Кулик

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС 1945—1946 ГОДА НАД ГИТЛЕРОВСКИМИ ВОЕННЫМИ ПРЕСТУПНИКАМИ В ЛЕНИНГРАДЕ В ОСВЕЩЕНИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ

Процесс над гитлеровскими военными преступниками, совершившими свои преступления на Северо-Западе России, проходил в Ленинграде зимой 1945—1946 года, одновременно с процессом в Нюрнберге. Его ход освещался всеми основными городскими газетами: «Ленинградская правда», «Смена», «Вечерний Ленинград». На процессе вместе со зрителями присутствовали журналисты, фотографы, кинематографисты, карикатуристы. Кроме регулярных отчетов о ходе судебных заседаний, в печатных средствах массовой информации публиковались публицистические статьи, интервью с жертвами преступлений, фотографии, карикатуры, сделанные с натуры. Вся эта информация предназначалась для жителей города, перенесшего 900-дневную блокаду. Большинство из них потеряло на войне своих родных и близких. Поэтому смысл всех материалов заключался в том, чтобы показать, что вершится справедливое правосудие, о котором договорились союзники: Советский Союз, США и Великобритания. Военный трибунал приговорил к смертной казни через повешение девятерых человек, жизни сохранили трем подсудимым. Последние газетные материалы были посвящены публичной казни приговоренных к смерти.

Ключевые слова: процесс 1945—1946 г., нацистские военные преступники, Ленинград, пресса

Процесс над гитлеровскими военными преступниками, совершившими свои преступления на Северо-Западе России, проходил в Ленинграде с 27 декабря 1945 г. по 6 января 1946 г., одновременно с процессом в Нюрнберге. Перед судом предстало 12 бывших военнослужащих германской армии. Их обвиняли в военных преступлениях в ходе которых было уничтожено до полумиллиона мирных жителей региона и почти 700 тысяч советских военнопленных.

Его ход освещался всеми основными городскими газетами: «Ленинградская правда» (партийная газета), «Смена» (молодежная газета), «Вечерний Ленинград» (городская газета). На процессе вместе со зрителями присутствовали представители средств массовой информации: журналисты, фотографы, кинематографисты, карикатуристы.

На протяжении всего процесса в ленинградских газетах регулярно публиковались материалы о нем. Это были выдержки из выступлений обвинителей, свидетелей и самих подсудимых. Особое место занимали статьи профессиональных журналистов. Некоторые из них подписывались, другие подавались как мнение всей редакции. Заголовки статей несли на себе печать недавно закончившейся войны. Авторы использовали самые жесткие эпитеты по отношению к немецким военнопленным, находившимся на скамье подсудимых. Так «Ленинградская правда» в статье «Час расплаты» писала: «В самые трудные, в самые тяжёлые годы войны, когда немецко-фашистская армия была ещё в зените своей силы, наш народ верил, что придёт этот день; верил и ратными подвигами на фронте, трудовой доблестью в тылу приближал его.

Наш народ твёрдо знал, что наступит день, когда предстанут перед грозным, неумолимым судом фашистские злодеи, залившие советскую землю кровью мирных людей, оставившие руины на месте цветущих городов и сёл. Справедливость должна была восторжествовать!» [1].

Она была нужна не только для настоящего, но и для будущего, чтобы предостеречь каждого, кто посмеет помышлять о новых разбойничьих нападениях.

Газеты постоянно отмечали, что Международный Трибунал в Нюрнберге и процесс в Ленинграде — это звенья одной цепи. И в побежденной Германии, и в непокоренном Ленинграде должна была совершиться высшая справедливость. «И вот настал час расплаты. В Нюрнберге, где впервые появилась фашистская чума, Международный Трибунал слушает сейчас дело главных военных преступников. А в областных центрах нашей страны военные трибуналы судят тех, кто непосредственно устанавливал гитлеровский «новый порядок» на советской земле, убивал женщин, стариков, детей, разрушал созданное многими веками творческого труда народа».

Именно поэтому «сегодня в Выборгском доме культуры начинается суд над группой бывших немецких военнослужащих, совершивших во время войны кошмарные злодеяния на территории, временно захваченных оккупантами районов Ленинградской области».

В конце 1945 года, всего через три месяца после окончания Второй мировой войны, журналисты отмечали, что подобные процессы являются скоординированным решением союзников по антигитлеровской коалиции — Советского Союза, США и Великобритании. «Преступники привлечены к ответственности на основании Декларации, подписанной в своё время Рузвельтом, Сталиным и Черчиллем. Согласно этой Декларации, германские офицеры и солдаты и члены нацистской партии, ответственные за зверства, убийства и казни, или добровольно принимавшие в них участие, подлежат суду в странах, в которых были совершены их отвратительные действия» [1].

Иногда в одном номере газеты могло быть опубликовано 2—3 материала, посвященных ходу судебного процесса. Это могло быть сообщение ТАСС, фотография или карикатура, статья с подписью или без подписи журналиста. В судебных очерках очень подробно, с художественной обработкой, излагались свидетельские показания. Они подавались как рассказ жертв. Главной героиней очерка «Из зала суда. Идет возмездие» являлась молодая женщина, Павлина Константинова. Она рассказала о том, как увидела страшную смерть: сожжение гитлеровцами в запертом доме почти 200 своих земляков.

Журналист подчеркивал, что «теперь Павлина Константинова узнала о том, что изверги пойманы, что изловлен палач, приказывающий жечь в огне крестьян. Это Генрих Ремлингер. Он сидит на скамье подсудимых в Выборгском доме культуры» [2]. Наказание должны понести все: непосредственные исполнители, их командиры и все руководство нацистской Германии. Недаром в Ленинграде на одной скамье «рядом с ним, генералом Ремлингером, офицеры, фельдфебели, ефрейторы и рядовые армии Гитлера. Это люди, разносившие пучки соломы к избам. Это люди, стоящие цепью возле окон и расстреливавшие тех, кто пытался выбраться из огня» [2].

Журналисты В.Карп и А.Рискин в своей статье сравнивали подсудимых не с разумными существами, а с порождением ада: «Впрочем, люди ли это? Ленинградские металлисты, строители, швеи, учёные, сидящие в зале, пристально глядя в подсудимых, и один вопрос возникает у многих, как могло сохраниться у этих чудовищ из тёмных и зловонных фашистских дебрей подобие человеческих голов и человеческих рук» [2].

Для журналистов было явно недостаточно описывать неприглядный вид подсудимых. Они высмеивали и их фамилии: «Скотки — скотина»: «Освещённые «юпитерами», сидят подсудимые за деревянной загородкой. Ещё недавно они считали себя представителями высшей расы, призванной господствовать над миром. Грязная вонючая скотина Эрвин Скотки всерьёз думал, что он господин вселенной. Сейчас они смиренно сложили ладони на коленях» [2].

Для описания этого подсудимого журналисты не пожалели самых черных красок: «Шёл допрос обвиняемого Скотки Эрвина. У барьера, отделявшего скамью подсудимых, стоял плюгавый, хлипкий немец с дегенеративным приплюснутым лицом недоношенного шимпанзе. Гнусавым голосом рассказывал он о массовых расстрелах, в которых принимал непосредственное, весьма активное участие» [2].

Всем этим преступникам противопоставляется не просто жертва, а народ-победитель. В статьях, посвященных процессу в Ленинграде, практически нет упоминаний о роли Иосифа Сталина. Главным триумфатором победы представляется Красная армия и советский народ: «Только доблестная и неукротимая борьба нашей Красной армии могла избавить мир от подобной чумы. Только великая победа нашего народа в Отечественной войне привела к тому, что Геринг сидит на скамье подсудимых в Нюрнберге, а Ремлингер, Фогель, Янике, Штрюфинг и другие сидят в Ленинграде» [2].

Для советской журналистики было характерно принижать не только интеллектуальный, но и образовательный уровень своих противников. Им приписывалась связь с уголовным миром: «Кто они, эти представители «высшей расы»? Карл Штрюфинг и Фриц Энкель — добровольцы немецкой армии, пошедшие на войну за грабежом да лёгкой наживой. Гергард Янике — вор, отбывавший каторгу. Достоинно увенчает эту группу Арно Дюре — сутенёр, живший на содержании у проституток и грабивший их посетителей» [2].

Даже положительные качества, приписываемые нации, подавались в исключительно негативном ключе: «Многих сидевших в зале поражает деловитость, с которой они рассказывают о своих чёрных злодейских делах. Ничего удивительного в этом нет. Злодейство было их профессией, их ежедневной обыденной работой. И они повествуют о поджогах и расстрелах как о будничном и ежедневном, повествуют по-немецки, педантично».

Ленинградцы, пережившие блокаду, жители Ленинградской области, которые провели в условиях нацистской оккупации почти три года, хотели справедливости. Для них она заключалась в самом жестоком наказании. «Сейчас гитлеровских палачей судят. Их не настигли в бою пули наших бойцов. Пусть же будет уделом фашистских злодеев заслуженная ими кара. Таково требование всех трудящихся Ленинграда. Они пойманы и не уйдут от справедливой кары» [2].

Но хотя все преступники были одинаково отвратительны, одному из них уделялось особое внимание. Это был генерал-майор Вермахта Ремлингер. Ленинградский журналист М.Ланской посвятил ему несколько статей. Одна из них называлась «Из зала суда. Обер-палач» [3].

Эта публикация строилась на нескольких тезисах. Во-первых, что сидящий на скамье подсудимых человек не может считаться простым военнопленным.

Во-вторых, преступники-исполнители пытаются всю вину переложить на руководство, которое и отдавало ему соответствующие приказы: «Ремлингер напряжённо следит за ходом процесса. Он всё ещё надеется, что ему удастся попытаться туманом казуистических толкований формулы обвинения, что ему удастся свалить всю вину на Гитлера, Геринга, Заукеля и выйти сухим из воды. Но круг улик сжимается. Показания других обвиняемых изобличают его во всём» [3].

В-третьих, и в Нюрнберге, и в Ленинграде идет справедливый суд, за ходом которого следит все прогрессивное человечество. Люди не сомневаются в приговоре: «Мир совершенно не интересуется, признает или не признает себя Геринг виновным. Точно так же трудящиеся Ленинградской области очень мало тревожат, признает или не признает себя Ремлингер виновным. В обоих случаях всех интересуется другое: когда настигнет их заслуженная кара» [3].

Так как этот процесс был открытым, то в отчете «Судебный процесс по делу о немецко-фашистских зверствах в Ленинградской области. Заседание 2 января» приводились выдержки из выступлений свидетелей, вызванных судом по ходатайству государственного обвинителя. Сам их подбор был должен показать максимальную объективность процесса. Среди них были архитектор, священник и врач. [4].

Николай Давыдов являлся начальником специальной проектно-реставрационной мастерской Комитета по делам архитектуры при Совнаркоме СССР. Он как специалист участвовал в расследовании преступлений в древних русских городах Новгороде и Пскове. Н. Давыдов рассказал следствию о варварских разрушениях, причиненных за время оккупации выдающимся памятникам архитектуры.

После долгих лет гонения на Церковь для советских людей было непривычно видеть священников в роли не обвиняемого, а обвинителя. Свидетель протоиерей Павел Тарасов, настоятель центрального Николо-Богоявленского собора и секретарь митрополита Ленинградского и Новгородского, «сообщил суду о многочисленных фактах кровавых злодеяний немецко-фашистских захватчиков и надругательствах над русской православной церковью» [4].

Дал свои показания свидетель Андрей Владимирский, судебно-медицинский эксперт Ленинградского военного округа. По приглашению Чрезвычайной Государственной Комиссии он исследовал трупы советских людей, замученных и уничтоженных гитлеровцами. Он как медик «присутствовал при раскопках мест захоронения бесчисленных жертв фашистских кровавых преступлений, видел тысячи трупов, сваленных в огромные рвы. В лесу, расположенном в 38 км от Гатчины, им было обнаружено место массового расстрела советских людей. В гигантском рву лежали штабелями около 3 тысяч трупов» [4].

Подчеркивая объективность следствия, журналисты отмечали, что на суде звучали не одни устные показания свидетелей. Так, по ходатайству государственного обвинителя для всех присутствующих был продемонстрирован документальный фильм о немецко-фашистских злодеяниях на территории Ленинградской области.

Кадры, заснятые кинооператорами Ленинградского фронта, начиная с 1941 года, документально подтверждали «чудовищные преступления немецко-фашистских злодеев на ленинградской земле» [4].

На страницах советских газет нужно было показать высшую справедливость суда, состязательность процесса. На нем выступали как обвинитель, так и защитники. Газета «Смена» 3 января 1946 г. опубликовала выдержки из речи государственного обвинителя генерал-майора юстиции Петровского. В своем выступлении он провел параллель между двумя процессами — Нюрнбергским и в Ленинграде: «Проходящий в Нюрнберге процесс главных военных преступников раскрыл перед всем миром, что злодейские планы вероломного и внезапного нападения на нашу Родину, разграбления её богатств, истребления и порабощения советских людей долго и тщательно разрабатывались гитлеровскими людоедами. Авторы этих планов — главари фашистской банды — держат ответ за свои преступления перед Международным Военным Трибуналом.

Здесь, в Ленинграде, на скамье подсудимых сидят исполнители варварских планов, те, кто исполнял их» [4].

Подробно описав преступления всех обвиняемых, прокурор призвал всех подсудимых приговорить к смертной казни через повешение.

Газета особо подчеркнула, что «присутствующие в зале судебного заседания около двух тысяч представителей, трудящихся Ленинграда, колхозников Ленинградской, Псковской и Новгородской областей всеобщим одобрением встретили это требование государственного обвинителя» [4].

Аргументация защитников была вполне логичной. Так, адвокат Зимин, защищавший Ремлингера, отметил, что «за кошмарные преступления, совершённые немцами на территории, подведомственной коменданту Пскова, несёт ответственность не только его подзащитный. Здесь действовали также и части, не находившиеся в его подчинении» [4].

Все остальные адвокаты попытались представить своих подзащитных простыми исполнителями преступных приказов. В газетах особо было отмечено, что подсудимые Бем, Энгель, Скотки, Штрюффинг, Янике, Герер, Фогель признали предъявленные им обвинения и попросили суд о снисхождении к ним.

Завершающая часть происходившего в Ленинграде: приговор и казнь представлялась как совершенно заслуженный и ожидаемый конец для этих преступников. Статья М. Ланского «Приговор народа» рассказала о последних часах этого процесса. «За восемь дней достаточно полно раскрылась картина злодеяний, совершённых подсудимыми. Словно рентгеновским аппаратом был просвечен каждый из них беспощадными лучами следствия. Преступники сидели, боясь взглянуть в зал, боясь встретиться с ненавидящими глазами. Они только вслушивались в глухой ропот толпы и, может быть, лишь в эти минуты впервые поняли, какой ветер они посеяли, когда держали в руках автоматы» [5].

М. Ланской так передает чувства людей, находящихся в зале во время оглашения приговора: «Потом вошёл суд. Все встали. Была необычайная тишина, когда председатель в последний раз напоминал о зверствах, содеянных каждым обвиняемым. Вновь поднялись из братских могил тени погибших. Пахло дымом пожаров. Донеслись стоны истязуемых. Встала окровавленная русская мать, протягивая расстрелянного ребёнка. Пепел сожжённых людей забился в наших сердцах» [5].

Поэтому когда раздалось слова: «К смертной казни через повешение» — «раздалось аплодисменты солидарности и удовлетворения. Это народ подписывался под приговором окончательным и обжалованию не подлежащим» [5].

Сама казнь была описана подробно и весьма натуралистически. Она была публичной и смотреть на нее пришло немало ленинградцев, в том числе и детей: «Они избежали на фронте справедливой пули советского солдата. Теперь им предстояло испытать прочность русской верёвки. На крепкой перекладине повисли вчера в Ленинграде восемь военных преступников.

В последние минуты они снова встретились с ненавидящими глазами народа. Они снова услышали свист и проклятья, провожавшие их на позорную смерть. Тронулись машины. Последняя точка опоры ушла из-под ног осуждённых. Приговор был приведён в исполнение» [5].

В современных воспоминаниях очевидцев это событие описывается не столь однозначно. Кому-то из ленинградцев стало плохо от этой публичной картины, хотя, конечно, сам факт казни преступников был воспринят как правильный и законный.

Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-21-08001 «Советские судебные процессы над военными преступниками в 1943—1991 гг.: цели, функции и эффекты избирательной медиатизации».

-
1. Час расплаты // Ленинградская правда, 28 декабря 1945 г.
 2. Из зала суда. Идёт возмездие // Ленинградская правда, 28 декабря 1945 г.
 3. Из зала суда. Обер-палач // Ленинградская правда, 28 декабря 1945 г.
 4. Судебный процесс по делу о немецко-фашистских зверствах в Ленинградской области. Заседание 2 января // «Смена», 3 января 1946 г.
 5. Приговор народа // Ленинградская правда, 4 января 1946 г.

References

1. Chas rasplaty [The hour of reckoning]. Leningradskaya pravda, 28 dekabrya 1945 g.
2. Iz zala suda. Idet vozmezdie [Straight from the courtroom. There is retribution]. Leningradskaya pravda, 28 dekabrya 1945 g.
3. Iz zala suda. Ober-palach [Straight from the courtroom. Ober-deathman]. Leningradskaya pravda, 28 dekabrya 1945 g.
4. Sudebnyy protsess po delu o nemetsko-fashistskikh zverstvakh v Leningradskoy oblasti. Zasedanie 2 yanvarya [The trial of the case of the German-fascist atrocities in the Leningrad region. January 2 hearing]. Smena, 3 yanvarya 1946 g.
5. Prigovor naroda [The sentence rendered by the people]. Leningradskaya pravda, 4 yanvarya 1946 g.

Kulik S.V. The 1945—1946 trial of Nazi war criminals in Leningrad: The coverage of the Leningrad region press. The trial of the Nazi war criminals who committed their crimes in the North-West of Russia was held in Leningrad in the winter of 1945—1946, simultaneously with the trial in Nuremberg. Its course was covered by all the major city newspapers: Leningradskaya Pravda, Smena, and Vecherny Leningrad. The criminal proceedings were attended by journalists, photographers, filmmakers, and newspaper cartoonists. In addition to regular reports on the progress of court sessions in the print media, op-ed articles, and interviews with victims of crimes, photographs, and cartoons drawn from life were published. All this information was intended for residents of the city who suffered the 900-day siege. Most of them lost their loved ones in the war. The purpose of all the materials was to show that justice was as impartial as the Allies — the Soviet Union, the United States and Great Britain — had agreed on. The military tribunal sentenced the nine of the accused war criminals to death by hanging, the three of them were sentenced to different terms of imprisonment. The final newspaper materials were devoted to the public execution of those sentenced to death.

Keywords: The 1945—1946 trial, Nazi war crimes, Leningrad, press.

Сведения об авторе. С.В.Кулик — доктор исторических наук, профессор; Санкт-Петербургский политехнический Университет им. Петра Великого; kulik54@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 01.03.2018.